

УДК 316.334.2

Т.Г. Стоцкая, А.А. Шестаков*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ: СУЩНОСТЬ, СОСТАВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ, ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

В статье рассматривается «экономическая рациональность» как базовая теоретическая модель экономической теории. Выделяются основные элементы этой модели: формализм, антипсихологизм, осознанность, целенаправленность, оптимизация. Особое внимание уделяется определению границ применимости данной модели в экономическом исследовании.

Ключевые слова: теоретическая модель, экономическая рациональность, экономическое поведение.

Для современного социально-гуманитарного знания характерен пристальный интерес к антропологическим и гносеологическим предпосылкам и допущениям соответствующих теорий. В работах В.С. Автономова [1], П. Вайзе [2], Р. Дарендорфа [3], К. Лавалья [4], А.Н. Сорочайкина [5], В.П. Филатова [6] обстоятельным образом раскрыто место этих предпосылок в структуре различных дисциплин, в первую очередь социологии и экономической теории. Было установлено, что фундаментальной предпосылкой названных выше теорий выступает особая модель человека, применительно к экономике речь идет о «*homo economicus*». Главным отличием данной модели от всех прочих теоретических конструктов служит рационально организованное поведение. В качестве предваряющего шага на пути осмысления природы и особенностей экономической рациональности необходимо хотя бы в общих чертах определиться с рациональностью как таковой, сформулировать основные признаки этого трудноопределимого и зачастую двусмысленного понятия. Основанием последующего хода мыслей может стать следующее рассуждение Макса Вебера из книги «Протестантская этика и дух капитализма»: «...жизнь можно “рационализировать” с весьма различных точек зрения и в самых различных направлениях (этот простой часто забываемый тезис нужно было бы ставить во главу угла каждого исследования проблемы “рационализма”). “Рационализм” — историческое понятие, заключающее в себе целый мир противоположностей» [7, с. 95].

---

* © Стоцкая Т.Г., Шестаков А.А., 2012

Стоцкая Татьяна Геннадьевна (Stotskaya@yandex.ru), кафедра философии и истории Самарского государственного архитектурно-строительного университета, 443001, ул. Молодогвардейская, 194.

Шестаков Александр Алексеевич (ShestakovAlex@yandex.ru), кафедра философии естественных факультетов Самарского государственного университета, 443011, ул. Акад. Павлова, 1.

С нашей точки зрения, феномен «рациональности» в самом общем плане уместно было бы трактовать как *операциональное* понятие с меняющимся, подвижным смысловым объемом, который задается в зависимости от контекста его употребления и применения. Так, при ретроспективном изучении феномена рациональности обнаруживается изменчивость его исторических форм. Если, к примеру, в античности рациональное знание определялось исходя из противопоставления мнению, то в эпоху средневековья оно занимает место в оппозиции «знание – вера», а просветители толковали рациональность как орудие борьбы против догматизма и предрассудков. В эпоху Нового времени рациональное начало выступало фундаментом зарождающегося научного знания и в этой связи выделялось на фоне эмпирических источников знания [см. подр.: 8]. Тем не менее из всех исторически изменчивых форм вполне можно вычленить некое общее – пусть приблизительное и не до конца определенное, но все же внятное – понятие рациональности как разумной и адекватной *ориентации* в рамках какого-либо положения дел. Данное определение не является сугубо формальным – на цели поведения всегда накладываются некоторые содержательные ограничения: в частности, не всякая цель может быть названа разумной, как и не всякое желание оправдано с этой точки зрения. В этом плане В.С. Автономов различает *функциональную рациональность* как базовую модель большинства общественных наук и более узкое и сугубо формальное понятие *экономической рациональности*, истолкованной в качестве совокупности способов и процедур оптимизации экономической системы [9, с. 13]. Если в первом случае требование осознанности поведения не является необходимым, то в рамках второго границы экономической рациональности строго идентичны ясному и отчетливому индивидуальному сознанию.

Рациональное поведение в первом случае можно истолковать как приводящее самым коротким путем какую-либо систему к сохранению и нарастанию ее равновесия (в этом смысле такое поведение функционально). Но именно в этом пункте и заключается существенное отличие общего понятия рациональности от специфически экономического рационального поведения. Дело в том, что понятие гомеостаза (равновесия) является нейтральным по отношению к человеческому поведению, поскольку равновесное состояние какой-либо системы еще не означает ее оптимального состояния. Именно на это обстоятельство обращает внимание Герберт Саймон, проницательно замечая, что, руководствуясь таким пониманием рациональности, разнообразным психопатологическим действиям также вполне можно приписать рациональный характер, ведь они по-своему отвечают целям адаптации, приспособления и восстановления гомеостаза психической системы индивида [10, с. 19]. На основании вышеизложенного можно заключить, что достижение полного и корректного определения экономического поведения с необходимостью предполагает введение дополнительных элементов.

Попробуем это сделать. Анализ литературы убедительно показывает, что рациональность в экономической теории определяется исключительно формально – как максимизация какой-либо целевой функции при имеющихся ограничениях. Это легко доказать. Обратимся хотя бы к авторитетному суждению Д.Н. Хаймана: «Ключевая поведенческая предпосылка в моделях, используемых в современной микроэкономике, заключается в том, что поведение людей мотивируется желанием максимизировать чистый выигрыш, получаемый при осуществлении операций» [11, с. 14]. При этом нахождение наиболее оптимальных средств для достижения той или иной цели производится безотносительно к самим конкретным целям. Здесь нельзя не заметить влияния, которое оказал на формирование данной установки в рассуждениях современных экономистов Д. Юм с его сведением рациональности к простому формальному отношению целей и средств.

Ученый-экономист, другими словами, описывает общую формальную структуру оптимизирующего поведения как такового. Поэтому нельзя не согласиться с тем утверждением, что стремление достичь предельного максимума целевой функции действительно является отличительной чертой осознанного человеческого поведения. Нетрудно обратить внимание, как всякое живое существо, включая даже растения, инстинктивно тянущиеся к солнечному свету, стремится достичь какого-то локального воплощения целевой функции, буквально наощупь выбирая наиболее приемлемый вариант поведения из совокупности возможных в настоящий момент. Однако ни животное, ни растение не могут ждать появления некоего оптимального варианта, отказываясь от доступных в данный конкретный момент, или выбирать оптимальный, но далеко не прямой путь к цели, к примеру, предпочитая использовать какую-то часть собранного зерна в виде инвестиции в новое производство, вместо того чтобы пустить его на непосредственное потребление [см. подр.: 9, с. 14].

Изложенное выше, по всей видимости, может быть истолковано таким образом, что определение экономической рациональности формулируется в контексте предположения, что индивид сам по себе наилучшим образом знает и ставит себе собственные цели и выбирает оптимальные способы их достижения. Собственно, на этой онтологически первичной предпосылке экономической теории и основано одно из фундаментальных ее понятий — «предпочтение». Вот что по этому поводу можно прочесть у М. Алле: «Если говорить о конечном потреблении, рассмотрение индексов предпочтения основывается лишь на гипотезе о том, что любой потребитель отдает предпочтение тому, что сам считает предпочтительным» [12, с. 185]. Итак, взаимозаменяемость целевых предпочтений может быть признана отличительным свойством той модели рациональности, которая используется в экономической науке. Несколько обобщая, можно утверждать, что примеры рационального поведения в экономическом смысле можно обнаружить везде, где реально функционирует внутренне непротиворечивая (то есть последовательная, иерархически выстроенная и независимая от внешних содержаний) система предпочтений.

В литературе такого рода независимость от содержательного наполнения целей хорошо иллюстрируется В.С. Автономовым. Этот автор, предельно заостряя ситуацию, рассуждает о действиях самоубийцы, который выбирает в качестве оптимального способа сведения счетов с жизнью отравление посредством яда. Думается, что именно такой шаг будет в полной мере отвечать экономической рациональности [см.: 9, с. 14.]. Этот пример в логически предельном виде демонстрирует, что значимость и ценность конкретных целей не обсуждаются в рамках экономической теории.

Говоря об экономической рациональности, нельзя не упомянуть еще одну ее составляющую — речь идет о поведенческой *целенаправленности*. Все, с чем имеет дело ученый-экономист, он так или иначе интерпретирует как продукт *сознательных* целерациональных индивидуальных действий. Впервые эта установка была сформулирована К. Менгером, а свое дальнейшее развитие получила в работах Й. Шумпетера [13].

Необходимо подчеркнуть, что структура экономической рациональности истолковывается как полностью независимая от конкретных психологических процессов в рамках чьего-либо индивидуального сознания (сомнений, колебаний, принятия компромиссных решений, постоянного переформулирования целей, изменения предпочтений и т.п.). В этом случае индивидуальная психика со всеми ее особенностями попросту выносится «за скобки» — ее можно уподобить знаменитому «черному ящику» физиков. Именно поэтому, все, что происходит до непосредственного акта принятия решения, экономическую науку просто не интересует: относящиеся к ее «ведомству» явления она фиксирует только на выходе из «черного ящика» и при этом

анализирует их как самодостаточные, полные и завершенные. То же самое можно сказать относительно открытий современной психологии, и прежде всего психоанализа (феномен метамотивации, деструктивные тенденции психики, противоречия нескольких «Я», когнитивная несостоятельность и т. п.): они выносятся за скобки в силу самих исходных предпосылок экономической науки.

Изложенное выше позволяет заключить, что *формализм* (нейтральность в отношении содержания целей), *антипсихологизм* (независимость от процессов формулирования выбора), требования *осознанности, целенаправленности и оптимальности* — вот те критерии, по которым следует отличать рациональное поведение в смысле экономической науки от всех иных форм рациональности. Важно иметь в виду, что предполагаемая рациональность индивида присутствует в экономической теории в качестве аксиомы; более того, она выступает условием любой человеческой деятельности, совпадающим с самими априорными границами человеческого существования. Конечно, в данном случае «рациональность» понимается исключительно формально, то есть узко-предметно, и не совпадает с ее распространенным толкованием как разумности. В этом специальном смысле можно с полным правом утверждать, что человек просто *не может не быть* рациональным (естественно, за исключением отдельных случаев психопатологического происхождения, когда индивид намеренно старается причинить вред самому себе).

Обратимся теперь к тем принципиальным следствиям, которые привносит в экономическую науку обсуждаемая концепция экономической рациональности. Исходный постулат о рациональности мышления и действия экономических субъектов закладывает надежный фундамент для применения к онтологически имманентным процессам строгих математических методов. За счет чего это становится возможным? Во-первых, этот тип рациональности делает поведение индивида предсказуемым и стратегически просчитываемым, во-вторых, уравнивает и приводит к единому знаменателю поведение реально бесконечного множества субъектов. Рациональные схемы действия и предпочтения над-индивидуальны и именно поэтому *единообразны* у различных индивидов независимо от их субъективных свойств и личных характеристик. В этом плане достаточно задать определенные внешние параметры той или иной ситуации — и ученый получит возможность точно просчитать оптимальную реакцию как каждого рационального экономического субъекта в отдельности, так и целой группы.

Особую значимость для экономической теории имеет вопрос об эмпирическом подтверждении или опровержении ее постулатов и, в частности, гипотезы о рациональном характере экономического поведения. Проведение решающего эксперимента, который в действительности смог бы установить истинность или ложность гипотезы о рациональных мотивах поведения экономического человека, потребовало бы чрезвычайно жесткого поля параметров и критериев, а также логически безупречной, предельно точной вербальной формулировки задачи, поставленной перед респондентом. Однако именно эта совокупность требований как раз и ставит под сомнение саму возможность такого эксперимента, все больше сближая его с искусственной ситуацией. С нашей точки зрения, обозначенные трудности не становятся весомым аргументом против состоятельности обсуждаемой гипотезы, но указывают на принципиальную неприменимость *эмпирических* критериев к теоретическим моделям такого уровня абстракции. Сам методологический конструкт, каковым является допущение о рационально выбирающем индивиде, едва ли нуждается в специальных процедурах верификации, необходимых для более частных и менее абстрактных элементов теории, поскольку он попросту выполняет иную функцию.

Поставим вопрос о границах применимости рассмотренной выше модели. Во-первых, модель рационального индивида будет объяснять экономические факты только

при определенном условии, когда нет необходимости учитывать и делать акцентировку на возможные ответные действия других индивидов. Если же данное условие не соблюдается, то «*homo economicus*» должен будет рационально вычислять свои действия в ситуации неочевидной (а значит, непросчитываемой и непредсказуемой) реакции других индивидов. Но в таком случае процедура выбора и принятия решений разрасталась бы до фантазмагорических размеров, просто недоступных ограниченному индивидуальному сознанию в условиях существенного лимита времени. Вполне естественно, что учет всех возможных последствий и детерминирующих факторов в рамках такой теории породил бы бесчисленное множество взаимоналожений, а также чисто логических противоречий. Во-вторых, постулат о рациональной заостренности поведения экономического индивида сам по себе не обладает достаточным концептуальным потенциалом для объяснения всего многообразия рыночных процессов. Он, как кажется, нуждается в дополнительных гипотезах, моделях и предпосылках. В частности, необходима более частная, своего рода служебная гипотеза об одинаковом поведении экономических субъектов, без которой теория рационального ожидания оказывается лишенной своего логического основания. Кроме того, целый ряд реалий современной хозяйственной жизни нуждается в привлечении более широкой теории, в частности концепции конкуренции, равновесия и всеохватности рынков. И наконец, в-третьих, нужно иметь в виду, что «максимизация полезности» в качестве рабочей гипотезы является только *одной из возможных* объясняющих моделей экономических процессов. Монетаристская модель макроэкономики, к примеру, для обоснования своих базовых принципов не нуждается в привлечении этих поведенческих допущений.

Что же в итоге? Изложенный выше материал дает основание заключить, что обусловленность, относительная несамостоятельность и неполнота задают определенную систему ограничений на применимость гипотезы о рациональном характере действий экономического человека. Перечисленные выше характеристики, конечно, не следует воспринимать в виде концептуальных аргументов против концепции экономической рациональности как таковой. Представляется, что свойства данной модели лишь очерчивают границы применимости, которые необходимы любому теоретическому исследованию, внутри которого названная модель достаточно убедительно работает, сводя к единому основанию множество разрозненных факторов реальной хозяйственной практики.

Библиографический список

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической теории и других социальных науках // Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 3. / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В.С. Автономов, О.И. Ананьин [и др.]; вступ. статья Я.И. Кузьминова. М.: ГУ ВШЭ, 1998. С. 24–71.
2. Вайзе П. *Homo economicus* и *homo sociologicus*: монстры социальных наук // Thesis: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 3. С. 115–130.
3. Дарендорф Р. *Homo Sociologicus*. Опыт об истории, значении и критике категории социальной роли // Тропы из утопии: Работы по теории и истории социологии. М.: Праксис, 2002. 536 с.
4. Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 432 с.
5. Сорочайкин А.Н. *Homo economicus*: антропологические предпосылки и эпистемологические допущения экономических теорий: монография. Самара: Офорт, 2009. 352 с.

6. Филатов В.П. Антропологические предпосылки экономической теории и проблема рациональности // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2003. № 4. С. 85–92.
7. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избр. пр. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272.
8. Стоцкая Т.Г. Феномен рациональности: сущность, исторические формы, типологические параметры. Самара: Изд-во СГАСУ, 2009. 224 с.
9. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экон. шк. и др., 1998. 229 с.
10. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 3. С. 16–38.
11. Хайман Д.Н. Современная микроэкономика: анализ и применение / пер. с англ.: в 2 т. Т. 1М.: Финансы и статистика, 1992. 384 с.
12. Алле М. Условия эффективности в экономике. М.: Наука для общества, 1998. 299 с.
13. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). М.: Прогресс, 1982. 455 с.

T.G. Stotskaya, A.A. Shestakov*

**ECONOMIC RATIONALITY AS THEORETICAL MODEL:
ESSENCE, COMPONENTS, HEURISTIC POTENTIAL**

In the article «economic rationality» as base theoretical model of the economic theory is considered. Basic elements of this model are allocated: formalism, antipsychologism, consciousness, purposefulness, optimization. The special attention is given to the delimitation of applicability of the given model in the economic research.

Key words: theoretical model, economic rationality, economic behavior.

---

* *Stotskaya Tatyana Gennadyevna* (Stotskaya@yandex.ru), the Dept. of Philosophy and History, Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara, 443001, Russian Federation.
Shestakov Alexander Alexeevich (ShestakovAlex@yandex.ru), the Dept. of Philosophy of Natural Science Faculties, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.